

Серебряное седло сверкало на белом коне, а впереди всех ехал мужчина в золотых доспехах, с благородным лицом и внушительной осанкой. Высокий, с широкими плечами и узкой талией, он всего несколькими краткими словами сумел сплотить рассеянные ряды войска. Оставшиеся двадцать с лишним человек быстро собрались за ним, выстроившись в боевой порядок. Мужчина, сидя на коне, владел копьём с такой мощью и ловкостью, что его проворные движения и искусные приёмы раз за разом предотвращали надвигающуюся опасность.

Даже если бы на него обрушилась тысяча врагов, он бы остался непоколебим, как железная стена, становясь надёжной опорой для своих товарищей. Казалось, что все забыли о трёх толстых чёрных стрелах, торчащих у него в спине!

В воздухе витал густой запах крови, настолько сильный, что хотелось стошнить. Наблюдая, как один за другим падают белые фигуры, пока их не осталось меньше десяти, Цзюнь Улэй внезапно почувствовал в душе горечь и печаль. Его грудь сжалась, словно её ударили тяжёлым молотом, и он едва мог дышать. Он хотел броситься вперёд, но вдруг осознал, что его тело больше не слушается. Он мог лишь беспомощно наблюдать за происходящей бойней, не в силах что-либо изменить.

В этот момент раздался юный голос, исходящий от того самого юноши.

Юноша стоял с закрытыми глазами, его меховая накидка куда-то исчезла, обнажив худощавое тело, которое казалось особенно хрупким на фоне снега и ветра. Он напевал древнюю, непонятную песню, медленно двигаясь, его волосы развевались в воздухе.

Раскинув руки, он начал танцевать, его фиолетовые волосы и красная одежда развевались позади него, словно крылья. Его шаги были размеренными, то игривыми, то выразительными, меняясь в такт древним словам песни.

Под холодным небом и яркой луной он кружился в танце, словно парящий в небе. Его движения были то мощными, то изящными, его тень то приближалась, то удалялась, как развёрнутые крылья, устремлённые к полной луне, парящей в белоснежной дымке.

Это был древний ритуальный танец, молитва небу об очищении мира. Снежинки, кружащиеся в воздухе, словно стремились к бесконечной высоте, оседая на ресницах юноши, превращаясь в пару сверкающих бабочек. Слезная родинка под его глазом казалась каплей, готовой упасть.

Его бледное лицо было серьёзным и торжественным, а его чистый голос, напевающий древнюю молитву, то появлялся, то исчезал в порывах ветра.

Он медленно открыл глаза, и ослепительный белый свет вспыхнул вокруг него, поднимаясь вверх вместе с ветром и снегом, словно гигантская птица, парящая в ночном небе. Его фиолетовые волосы развевались, широкие рукава разлетались, а шаги становились всё быстрее и быстрее, пока не достигли предела.

Внезапно он взмыл вверх, лёгкий, как ветер, как луч света.

Его движение было плавным, величественным и ослепительным, невозможно было смотреть на него.

В тот миг, когда он взлетел, ветер и снег внезапно прекратились, и вокруг расцвели цветы. Туман рассеялся, и мир озарился ярким светом луны. Небесные персиковые лепестки, словно розовая заря, осыпали выжженную землю, окружённую морем облаков и цветов. Юноша был так прекрасен, что даже небо позавидовало его красоте.

На скале тысячи демонов, очарованные его танцем, вдруг почувствовали слабость в ногах и рухнули на землю, корчась в судорогах, не в силах подняться.

И в этот момент чёрная стрела с невероятной скоростью устремилась в небо, её остриё направлено прямо на юношу в красной одежде, кружащегося в воздухе. Не было никакой преграды, и он не мог уклониться.

— Фэйэр!

С вершины скалы раздался громкий крик, и этот хриплый голос словно ударил Цзюнь Улэя по голове, разбивая его мысли на осколки. Он почувствовал странную связь с тем, кто кричал. В смятении он не мог понять, чей это был голос — то ли мужчины в серебряном шлеме, то ли его собственный, а может, просто галлюцинация.

Он изо всех сил пытался разглядеть, что произошло дальше, но картина перед глазами вдруг рассыпалась, и всё погрузилось во тьму...

Неизвестно, сколько времени прошло, но Цзюнь Улэй резко открыл глаза и невольно вскрикнул:

— Афэй!

Вокруг было темно, в воздухе витал тошнотворный запах крови. Он растерянно открыл глаза, опёрся на жёсткую кровать и сел, в глазах ещё блестели слёзы.

— Больше не притворяешься, что спишь? — вдруг раздался женский голос, и тень накрыла его сверху.

Цзюнь Улэй поднял голову и, увидев женщину перед кроватью, помрачнел. Он с горькой усмешкой дёрнул уголком рта. Образ, который мелькнул перед его глазами перед потерей сознания, оказался вовсе не Хуа Фэйбаем. Усталость нахлынула на него, и он почувствовал, как тело ослабло, даже пальцы не хотелось шевелить. Он устало закрыл глаза.

— Мерзавец! Сколько моих лучших лекарств ты потратил впустую, сколько времени провёл здесь, а теперь ещё и спать собрался? Ты думаешь, я тут благотворительностью занимаюсь?!

Цзюнь Улэй почувствовал, как его грубо подняли, и в рот ему влили густую жидкость. Её резкий металлический вкус ударил по его чувствам, заставив закашляться.

Пощёчина остановила кашель, и ему снова влили ту же жидкость, пока он не проглотил большую часть.

Цзюнь Улэй с трудом открыл глаза и увидел женщину в зелёном одеянии с полупрозрачной вуалью на лице. В её руках была чаша с красно-коричневой жидкостью, от которой исходил тошнотворный запах. Его снова чуть не вырвало.

Женщина в зелёном нажала на его акупунктурные точки и с раздражением сказала:

— Неблагодарный ублюдок! Ты такой же, как и тот сумасшедший по соседству, ни один из вас не даёт мне покоя. Не знаю, за что мне такое наказание, заниматься этим убыточным делом!

Она с яростью добавила:

— Мерзавец! Веди себя прилично. Мои тысячелетние травы, чёрные черви, белые лотосы и хвосты феникса — всё это я потратила на тебя.

— ...Что ты мне дала пить? — Цзюнь Улэй собрал силы и с отвращением посмотрел на жидкость.

— Ты сам не знаешь? Пьёшь это уже больше десяти дней, неужели я должна тебе объяснять?

Цзюнь Улэй вспомнил скользкий металлический вкус в горле, и его желудок снова сжался... Он схватился за край кровати, готовый вырвать, но получил очередную пощёчину.

— Ха, верно. Это самая чистая кровь из сердца человека, смешанная с десятками моих драгоценных трав. И всё это я потратила на такого ничтожества, как ты.

— Кто ты такая? Почему я здесь? — Цзюнь Улэй с трудом подавил тошноту и поднял голову.

— Идиот. Ты думаешь, это просто ожог? Яд от огненного орла вызвал пробуждение кровавого гу в твоём теле. Если бы тебя не принесли ко мне, ты бы уже отправился к Яньло-вану! Прожил столько лет, а попался на уловку какого-то хитрого юнца, заодно и мне проблем навязал. Какое несчастье!

Цзюнь Улэй чутко уловил, что она упомянула человека, связанного с тем, кого он видел перед потерей сознания. Все его вопросы, казалось, вели к одному ответу. Кто он? Может, это был Хуа Фэйбай?

Это он, точно он, только он мог быть им! Цзюнь Улэй внезапно оживился, его охватила радость. Афэй не умер, он должен быть жив! В этот момент он готов был схватить женщину и выпытать у неё правду.

Но женщина с вуалью не дала ему шанса заговорить. В одно мгновение его швырнули на пол, как тряпичную куклу, едва не разбив все кости. Боль пронзила его тело.

Десятки золотых игл вонзились в его акупунктурные точки — Шэньтин, Сыбай, Тяньчун, Сюаньцзи, Чжунфу, Цихай, Чэнгуан, Жэньин и Тайи. Он почувствовал, как мощная внешняя сила ворвалась в его меридианы, бурля в области ци, заставив его выплюнуть кровь.

Внезапно перед глазами потемнело, и он снова потерял сознание.

Цзюнь Улэй снова открыл глаза. За окном ярко светило солнце, и резкий запах в воздухе почти исчез. Он лежал на кровати, пошевелил руками — тяжесть и боль ушли, голова больше не болела, тело чувствовало себя лучше, но силы всё ещё не было. Его духовная сила, казалось, была полностью запечатана, и он не мог собрать её внутри себя.

<http://bllate.org/book/15278/1348690>